

Ю. В. Ким

Землевладелец, аристократ, декабрист, мечтатель: В. А. Мусин-Пушкин в контексте предписанных статусов и новых ролей

Во время допросов в Петропавловской крепости после ареста в 1826 г. члену Северного общества графу Владимиру Алексеевичу Мусину-Пушкину, как и еще 159 декабристам, были заданы «вопросы о воспитании»¹. Власть интересовалась тем, как радикальные идеи проникали в дворянскую среду. В случае В. А. Мусина-Пушкина, как и в некоторых других случаях участников декабристского движения, стартовые статусные позиции выходца из среды крупной земельной аристократии контрастировали с мятежными порывами дворянской молодежи этого периода смены эпох и двух правлений.

Граф В. А. Мусин-Пушкин (1798–1854) в силу возраста не принимал участие в войне с Наполеоном и заграничных походах русской армии. Он вырос в одной из богатейших консервативных аристократических семей Российской империи. Его отец, граф Алексей Иванович, археограф, библиограф, первооткрыватель «Слова о полку Игореве», унаследовал в конце XVIII в. 4 тыс. крепостных крестьян обоего пола² и к 1816 г. увеличил их количество до 7582 мужских и 8081 женских душ³. В 1777 г. насчитывался лишь 1 % дворян с числом крепостных более чем 1 тыс.; в 1858 г. таких дворян было 0,7 % от общего их количества (без учета Польши и Финляндии)⁴. В 1807 г. граф А. И. Мусин-Пушкин имел больше 52 тыс. десятин земли только в Мологском уезде Ярославской губернии⁵, это количество увеличилось примерно в полтора раза к моменту его смерти в 1817 г. После раздела имения отца в 1817 г. Владимир

Алексеевич вошел в число богатейших людей Российской империи, получив в наследство дом в Рыбинске и Борисоглебское имение в Мологском уезде. У младшего Мусина-Пушкина было 2705 мужских душ во владении, кроме этого — три мельницы и «рыбная ловля»⁶.

Во время военной службы Владимира Алексеевича его мать, Екатерина Алексеевна, управляла имением младшего сына согласно его доверенности от 1819 г., которая позволяла графине «доходы с имения сего собирать, с должников деньги принимать» и подписывать документы⁷. Но уже в 1822 г. Владимир Алексеевич и сам принимал участие в управлении: он уменьшил крестьянам годовой оброк (из-за неурожая), распорядился выдавать хлеб из казенных магазинов, пытался бороться с пьянством крестьян⁸.

Еще до раздела родительской ярославской вотчины на две самостоятельные части между старшим сыном, Иваном, и младшим, Владимиром, борисоглебские земли с крестьянами (наследственное владение младшего) стали материальным источником решения финансовых вопросов семьи. 1 тыс. душ крестьян были заложены в 1813 г., и молодой граф получил уже обремененное долгами наследство. Несколько раз займы брались и в 1820-х гг., когда сам Владимир Алексеевич находился за границей, на службе или под следствием по делу декабристов. Зимой и весной 1826 г., в то время, когда Владимир Алексеевич сидел в заключении в Петропавловской крепости, под залог борисоглебских деревень (и более половины крестьян) были взяты 3 займа на общую сумму 536 400 руб. Не удалось выяснить, имели ли эти займы какое-то отношение к попыткам родственников облегчить юридическое или физическое положение Владимира Алексеевича, находящегося под арестом, а затем в ссылке на Кавказе, но то, что Владимир Алексеевич не вошел в число декабристов, отправленных под суд, вызывает вопросы о причинах столь «счастливого» исхода⁹.

В семейных архивах пока не найдены личные документы, в которых описывались бы подробности сложной и драматической ситуации во время следствия по делу декабристов. Воспоминания членов семьи и родственников также обходят этот вопрос стороной — возможно, потому, что семейные традиционные и в какой-то степени патриархальные практики противоречили принятию факта, что младший сын был увлечен идеями, которые несли угрозу устойчивой взаимовыгодной структуре взаимодействия аристократического семейства с властью. Обратимся в этой связи к повседневной жизни графского семейства. Крупные землевладельцы, Мусины-Пушкины проводили осень, зиму и весну, как правило, в Москве, в роскошном особняке на Разгуляе (реже — в доме на набережной Мойки в Петербурге), уезжая на лето в ярославскую Иловну¹⁰ или подмосковное Валуево¹¹. Огромное семейство — восемь детей: пять девочек и три мальчика. Мусины-Пушкины счастливо устроили браки своих дочерей: Мария вышла замуж за сенатора, члена Государственного совета А. З. Хитрово, Наталья — за князя Д. М. Волконского, Екатерина — за князя В. П. Оболенского, София — за князя И. Л. Шаховского, Варвара — за князя Д. М. Трубецкого.

Старшие зятя принимали деятельное участие в делах семьи, помогали в организации и устройстве материальных и статусных аспектов жизни. Графиня Екатерина Алексеевна (в девичестве княжна Волконская), женщина с сильным характером, что признавал и ее супруг («трудно отвратить женщину от того, чего ей захочется»), легко решала хозяйственно-бытовые вопросы, с энтузиазмом устраивала судьбу всех своих детей и карьеру сыновей — Ивана, Александра и Владимира. К мальчикам, наследникам капитала, имений, графского достоинства и родовой чести, внимание было особенно велико¹².

Младший сын впитал больше безусловной родительской ласки, чем его братья и сестры. Отец даже в письмах обращался к «Володиньке» иначе, чем к старшим сыновьям: «Продолжай хорошенько учиться и утешь нас к приезду нашему тем, чтоб получили мы о тебе общую похвалу»; «будь здоров, молись Богу, учись хорошенько». «Володиньку привезли, он дорогою простудился и имел горячку небольшую, теперь так слаб, что шатается на ногах и худ безмерно», — волновался граф в тревожном сентябре 1812 г. Тогда Владимиру было 14 лет. В это время старший сын Иван уже воевал против Наполеона, а средний, 24-летний Александр, собирался вступить в Ярославское ополчение. Иван Алексеевич служил доблестно, был награжден четырьмя орденами; Александр Алексеевич героически погиб в марте 1813 г. во время заграничного похода под Люнебургом¹³.

В отличие от братьев, получивших домашнее воспитание под руководством аббата Сюррики, Владимир с 12-летнего возраста учился в Петербурге — сначала в Иезуитском пансионе при римско-католическом храме св. Екатерины, затем в Пажеском корпусе¹⁴, существенно повлиявших на становление его характера и формирование взглядов за пределами семейного круга. И именно Владимир, представитель нового, «непоротого поколения», стал мятежной душой в аристократическом семействе.

В 1815 г. он начал службу в Бородинском пехотном полку, а в 1817 г. — переведен в лейб-гвардии Измайловский полк. После обучения Владимир, как это было принято в среде юных аристократов, отправился в длительное заграничное путешествие. В РГАДА хранится дневник Владимира Алексеевича за 1823 г.¹⁵, написанный в Германии, на французском языке¹⁶. На этом источнике стоит остановиться подробнее. Дневник открывает перед нами мир повседневности дворянской молодежи начала 1820-х гг. 25-летний молодой офицер вел дневник с 12 апреля по 1 июня 1823 г.: до середины мая он жил в Дрездене, а затем отправился в поездку по германским городам: Лейпцигу, Веймару, Йене, Эрфурту и др. Владимир Алексеевич с присущей Мусиным-Пушкиным тщательностью изучал достопримечательности немецких земель, делая дорожные записи во время своего заграничного путешествия. «Этот город знаменит двумя сражениями, в одном, в 1632 г., выступил Густав Адольф, король шведский, и был убит там. Я осмотрел место, где этот герой закончил свои дни, на него указывает грубый гранитный камень, на котором можно увидеть вы-

гравированные буквы Г. А. и год», — записал он в своем дневнике о городе Лютцене¹⁷. В путешествии по германским городам юный странник интересовался всем — от кельи Мартина Лютера и картин Лукаса Кранаха до мраморных ванн. За две недели поездки Владимир Алексеевич и его компаньон граф Салазар¹⁸ сделали несколько коротких остановок в Мейсене (где осмотрели фарфоровые заводы), в Лейпциге и уже упомянутом выше Лютцене. В Веймаре путешественники осмотрели замок Бельведер и парк с его садами и теплицами, посетили лютеранскую кирху, географический институт, Веймарскую библиотеку и были представлены королю Баварии. Владимир Алексеевич записал в дневнике: «Веймар — это город нерегулярный, дома низкие и большей частью старые, нет ничего, кроме княжеского замка, который примечателен, так же как и географическое бюро и несколько частных домов в пригороде, который ведет к Бельведеру. Население города — 160 000. <...> Народ любит правителя, администрация очень приятна. Ненавидят французов, которые значительно разрушили страну»¹⁹. В Йене посетили кабинет минералогии, библиотеку с коллекцией манускриптов (в дневнике отмечено: «...там есть книга, в которой находятся рисунки, представляющие гнусность пап. Эта книга была сделана до Реформации и содержит вещи очень экстраординарные») и ботанический сад²⁰, в Эрфурте — келью М. Лютера, картинную галерею и плац, где маршировали рекруты. В. А. Мусин-Пушкин заметил в дневнике: «Прусские солдаты — это в основном красивые молодые мужчины, свежие и здоровые»²¹. Есть записи справочного характера («Район Гота ведет принадлежность от Эрнста Благочестивого, который оставил семь сыновей, которые основали другие районы, <их> существует не больше четырех — Гота, Мейнинген, Гилдбургхаузен и Кобург»; «В Гессене в настоящее время примерно 600 тысяч жителей, доход может достигать 8 миллионов франков, люди бедны, и здесь довольно незначительное количество богатых господ») и множество эмоциональных пометок: «Чистота, которая царит в их быту, — прекрасна», «Пейзаж вдоль этой дороги очаровательный, и каждый новый еще превосходней, но дорога отвратительная»²².

В этой поездке Владимир Алексеевич почти не писал о светской жизни, лишь скупо об ужине или редком посещении театра. По некоторым коротким фразам можно догадаться, что автор скучал по Дрездену (где он большей частью жил во время своего заграничного вояжа) и по оставленным там привязанностям. Обратимся к началу дневника и дрезденскому периоду. Кажется, граф попытался впитать все, что город мог предложить взыскательному вкусу: слушал музыку в немецких католических костелах, посещал старинные кирхи, кабинеты древностей, экспозиции картин и библиотеки, а также «la galerie de gravures», где в числе прочих произведений наслаждался гравюрами Рембрандта и полотнами Рафаэля²³. Молодой офицер успевал ходить в ресторан и театр, играл в бильярд с друзьями, фехтовал на рапирах, ел мороженое и завтракал устрицами²⁴. О театре рассуждал с уверенностью знатока: «...давали новую оперу Россини, “Ричард и Зорайде”, красивая музыка, костюмы и декорации тоже

были очень красивы, но актеры не отвечали ожиданиям публики, особенно новый тенор: он был слишком посредственным». Светские развлечения представляются немного легкомысленными: «Граф Loos²⁵ совершил самое смешное падение на свете, чем насмешил все общество, которое было довольно многочисленным, оно наполняло апартаменты так, что казалось, что ты находишься в теплице». Светские сплетни фривольны, как и нравы саксонского двора, например, в дневнике отразилась «история о саксонской королеве и парикмахере»: «Марколини²⁶, который опасался, чтобы кто-нибудь не оказывал слишком большого влияния на короля и не расстроил его фавор, устроил его возвращение с охоты раньше, чем обычно, и тот застал королеву за явным преступлением. Парикмахер был отослан в Дрезден, но не был заключен в Кенигштайн, как поначалу утверждалось»²⁷.

В дневнике можно найти записи о посещении замков («мы пошли осмотреть замок, где мы нашли великолепные рога оленя, а также несколько замечательных картин со сценами охоты»), музеев («там можно увидеть модель Кенигштайна, сделанную из дерева, а также несколько гидравлических машин, модели мельниц в изобилии, модель храма Соломона, сделанную в Гамбурге»), о сценах королевской охоты, в которой автор дневника принимал участие: кабан был взят за четверть часа — «два человека его останавливают, следующие держат ногами, и таким образом тащат к королю»²⁸, и затем принц Антуан²⁹ наносит ему последний удар». Охота, правда, кончилась огорчительно для графа Салазара: «Салазар, взяв полный карьер, не очень хорошо управился с лошадью и врезался в ветку дерева, которая повредила ему лицо». Пострадавшего отправили на перевязку к хирургу, при этом «король и принц были очень участливы при инциденте»³⁰.

В череде светских развлечений Владимиру Алексеевичу было сложно справиться с печальной страстью к карточной игре (она будет преследовать его всю жизнь): «Я играл, я проиграл сумму, которую не смог сразу выплатить, и должен, я поставил себя в такое положение, что обо мне говорят как об игроке, что я имею обязательства перед людьми, которых не хочу знать». Владимир стыдился положения должника, это приводило его в уныние: «...мне было скучно, я был в плохом настроении по причине затруднительного положения, в котором я находился из-за денег»³¹.

Юноше недавно исполнилось 25 лет, в порывах самокритики он рассуждал: «Я сейчас в таком возрасте, когда человек уже пользуется силой характера, чтобы обуздывать страсти, легкомыслие должно быть отставлено, а всеми моими действиями должны руководить резонность и рассудительность. Мое поведение все последнее время было совсем не безупречно, напротив, я сам должен честно признать, что оно было очень плохим». Но эти строки не только про зависимость от карточных игр; игре в дневнике Владимира посвящено меньше места, чем другой страсти. «Любовь вредит моей голове и здоровью, — пишет он, — я веду себя как ребенок или, скорее, как легкомысленный и непослдова-

тельный молодой человек»³². В Дрездене он был страстно влюблен в замужнюю даму Мари Мальсбург³³, и дневник полон горячими признаниями и интимными откровениями: «Я провел всю ночь с Мари, почти не смыкая глаз»; «проникнувшись любовью и сладострастием, мы дали друг другу клятвы в вечной верности»; «Она меня все время спрашивала, хорошо ли я расположен к тому, чтобы сделать ей ребенка. Я ей сказал, что да, и это ей доказал, однако так как мы оба были обессилены, мы уснули, и только к 4 часам я проснулся». Владимир изо дня в день высматривал Мари в ложе или искал в гостях, на ужине: «...моя красавица не пришла из-за своего мужа, который заболел»; «она уделила мне так мало внимания, что у меня не было настроения никуда идти»; «поскольку я хотел узнать, не подаст ли мне Мари какой-нибудь знак, я вернулся на площадь и долго прогуливался, поглядывая в ее окна». Эта женщина занимала мысли Владимира целиком, спектакль ли это («в 6 часов я пошел на спектакль, где видел Мари, давали оперу “Фиделио” на немецком»), вечер ли у английского министра («был на балу у английского министра, где много танцевал; Мари там была очаровательна и попросила меня зайти к ней, но что до меня, я надулся и съязвил»). Даже книжные новинки Владимир Алексеевич успевал читать, прячась от мужа Мари в комнате посыльного или горничной. В строках молодого графа азарт и увлеченность интригой: «После прелестных прощаний я оставил эту божественную женщину и вернулся к себе. Уже почти рассвело, однако никто меня не видел»; «я заставил себя сейчас же одеться и пошел к Мари. Так как Мальсбург оказался в доме, я был вынужден ожидать в комнате посыльного того момента, когда барон уедет, так что три часа ранним утром мне пришлось быть в ожидании в холодной комнате»³⁴.

Оставляя Мари в Дрездене и уезжая в путешествие по немецким землям («мы вместе плакали», вспоминал Владимир бурное прощание), молодой дворянин писал: «О, как мое сердце вытерпело все это, мне хотелось плакать и в то же время не выдать наш секрет моему компаньону по путешествию, я должен был выглядеть веселым, как трудно было прилагать усилия, и боль еще усиливалась»³⁵. Пылкость слога заставляет забыть о том, что период бурных взаимоотношений, описываемых в дневнике, — это всего лишь месяц: дневник начат 12 апреля, отношения с Мари развиваются в жаркий роман примерно с этого же времени, а 16 мая Владимир Алексеевич уезжает из Дрездена в свое путешествие.

Порывистый стиль письма перекликается с образом жизни Владимира Алексеевича, тонувшего в светской круговерти. Проведем с ним один день. 15 апреля 1823 г. начался с того, что Владимир проснулся в 7 часов, написал Мари, затем читал до 11 часов, потом немного поупражнялся с байонетом, а в полдень отправился с другом осмотреть окрестности Дрездена — дворец-замок Пильниц³⁶, его сады и близлежащие дома (в часе езды верхом от Дрездена). После возвращения молодой аристократ «поправил свой туалет» и пошел обедать (за обедом говорили о политике), затем отправился на спектакль: «Актриса Мюних, которая

играла роль Сафо, появилась на сцене впервые, и ни ее фигура, ни ее игра не доставила удовольствия никому. Я скучал, хоть на спектакле и была Мари». Выпив чаю во время антракта с друзьями, Владимир вернулся в театр, чтобы «сделать Мари комплимент». После молодому человеку удалось в отсутствие мужа провести со своей дамой сердца около получаса. Вернувшись домой, граф Мусин-Пушкин до одиннадцати часов читал роман, который сразу же раскритиковал как нечто ординарное — на этом заканчивается дневник за день³⁷.

Еще одной сферы В. А. Мусин-Пушкин многократно касался в своем дневнике. Так же как путешествия, искусство и любовь, автора дневника увлекала политика. Он регулярно читал газеты, журналы, даже отрывки из книги о турецкой политике (на турецком языке). Период написания дневника совпадает с испанской кампанией французов, по поводу которой автор сделал несколько неодобрительных замечаний. Владимир Алексеевич увлеченно знакомился с дипломатической перепиской английского, французского и испанского кабинетов, анализировал и позитивно оценивал политический дискурс кабинета Д. Каннинга³⁸ («он развивает курс, которому следовало английское министерство, и по мне, усиливает тенденции к миру и урегулированию»). Владимир много общался с европейцами, комплиментарно отзывался о новых друзьях-англичанах. «Мы настолько углубились в дискуссию об этих материях, что не заметили, как уже минула полночь; я вернулся к себе и сразу же лег», — прокомментировал автор дневника политическую дискуссию в мужской компании 4 мая. Дискутировали о политике на многих вечерах и собраниях, где бывал Владимир Алексеевич. Он участвовал в разговорах о египетском паше, политике английского правительства, создании блоков государств, недавних политических событиях, например о Венском конгрессе и позиции государств в отношении присоединения к Российской империи польских земель. Разговоры были достаточно свободными, например о состоянии России по сравнению с Европой, революционных настроениях в Египте, католиках Ирландии и ошибках английского посла, враждебной позиции России по отношению к английской политике. Рассуждая в дневнике о деятельности Священного Союза, молодой офицер применил не вполне нейтральный словесный оборот «железная хватка пожаротушителя», проясняющий его безусловно критическую позицию в отношении реакционного «союза монархов». За описаниями разговоров, оценками отдельных людей, политических реалий угадывается будущий декабрист, каковым автор записей станет через два года: «...я много говорил о России и о том, как бы мне хотелось жить»³⁹.

После заграничного путешествия 1823 г. В. А. Мусин-Пушкин вернулся в Россию, в 1824 г. получил чин капитана. Позже его судьба переплелась с судьбами молодых дворян его круга: летом 1825 г. граф был принят в ряды Северного общества М. М. Нарышкиным. Владимир Алексеевич участвовал в деятельности отделения тайного общества в Могилеве, где находился штаб 1-й армии. Из материалов следственного дела известно, что он принимал участие в вер-

бовке новых членов, знал о том, что одной из целей общества было предоставление всем областям и губерниям Российской империи права «пользоваться выгодами, которые обещаны были <...> в бозе почивающим императором [Александром I] при открытии первого сейма в Варшаве»⁴⁰. После восстания на Сенатской площади Владимир Алексеевич был арестован и доставлен в Петербург, 6 января 1826 г. находился под арестом на главной гауптвахте, затем переведен в Петропавловскую крепость, где провел полгода. По предположению О. В. Эдельман, группу декабристов, которым задавали «вопросы о воспитании», предполагалось отдать под суд⁴¹. Но Владимира Алексеевича не судили (сведений о том, по каким причинам наказание для него было сравнительно мягким, насколько серьезно за него хлопотали родственники, найти не удалось, но известно, что усилия в этом направлении предпринимали зять А. З. Хитрово и брат И. А. Мусин-Пушкин). После заключения в Петропавловской крепости Владимир был переведен из гвардии в армию, в Петровский пехотный полк, входивший в состав Финляндского корпуса⁴².

Именно в Финляндии в том же 1826 г. Владимир Алексеевич познакомился со своей будущей женой, Эмилией Карловной Шернваль фон Валлен (1810–1846), дочерью Выборгского губернатора Иоганна Карла Шернваля и Евы Густавы фон Виллебранд (Эмилия с пятилетнего возраста воспитывалась своим отчимом, сенатором Карлом-Йоханом фон Валленом). Но молодой паре пришлось побороться за свое счастье, их судьба решалась в 1827–1828 гг. В это время влюбленные вели бурную, при этом доверительную, полную любви и тепла переписку⁴³. Молодой граф писал своей невесте часто — через день, иногда каждый день. Мать и отчим Эмили Карловны дали согласие на брак сразу. Но семья Владимира Алексеевича категорически воспротивилась браку со «шведкой» — традиционные представления о должном поведении включали в себя, например, консервативные практики заключения брака как материального и статусного союза. На стороне семьи был генерал-губернатор А. А. Закревский, который имел личные счеты с отчимом Эмили Карловны и всячески препятствовал отношениям молодой пары, даже предлагал милости и награды в обмен на отказ от невесты. По настоянию семьи Владимир был переведен в отдаленную крепость подальше от возлюбленной⁴⁴. Борьба молодого человека продолжалась весь 1827 г., он был доведен до нервного срыва (или спровоцировал его, надеясь смягчить сердца родных) и при посредничестве старшего брата Ивана Алексеевича в декабре 1827 г. вырвал у матери согласие на брак. Свадьба состоялась 4 мая 1828 г. в Выборге, никто из семьи В. А. Мусина-Пушкина на ней не присутствовал. Нужно отметить, что Владимир Алексеевич беспокоился о том, чтобы его супруга была защищена материально. Так, согласно первому из известных нам завещаний (апрель 1829 г.), в случае отсутствия сына Эмили Карловна должна была получить все движимое имущество, личную библиотеку мужа со всеми без исключения книгами, часть недвижимости и часть библиотеки графа А. И. Мусина-Пушкина⁴⁵.

Вскоре по просьбе самого графа Владимира Алексеевича последовал его перевод в Тифлисский пехотный полк на Кавказ, где офицер пробыл до ноября 1829 г. В конце 1831 г. В. А. Мусин-Пушкин был окончательно уволен со службы с обязательством жить в Москве под надзором и не выезжать за границу. Только в 1834 г. по ходатайству московского военного генерал-губернатора князя Д. В. Голицына граф Мусин-Пушкин был освобожден от надзора, а в 1835 г. получил разрешение поступить на службу⁴⁶.

В середине 1830-х гг. из-за финансовых трудностей Мусины-Пушкины вынуждены были ограничить пребывание в столицах и проводить время преимущественно в Ярославском имении. Как было сказано выше, имение большей частью находилось под залогом (было заложено свыше 3 тыс. крестьян). После смерти графини Екатерины Алексеевны в 1829 г. при передаче наследства (включавшего 1 тыс. крестьян) ее личные долги также перешли на младшего сына⁴⁷.

Но все же к середине 1830-х гг. Владимир Алексеевич был владельцем почти 9300 крестьян обоего пола и 72 724 десятин земли в разных уездах Ярославской губернии⁴⁸. Общий доход с имения был высоким, чистая прибыль составила в 1830 г. 54 485 руб. 4 коп. ассигнациями и 61 211 руб. 91 коп. серебром, в 1832 г. — 53 928 руб. 69 коп. ассигнациями и 31 797 руб. 42 коп. серебром⁴⁹.

В Борисоглебе супруги Мусины-Пушкины не отказывали себе в роскоши, жили на широкую ногу, но за счет их щедрости кормились (в буквальном смысле) и окружавшие их старые слуги, управляющие, служащие и дворовые. Быт и комфорт хозяев обеспечивался многочисленными крепостными и служащими, которых нужно было содержать — около 160 человек работали и питались при усадьбе⁵⁰. Характер обоих супругов, и Владимира Алексеевича, и Эмилии Карловны, натур возвышенно-романтических, хоть и добросовестных, сказывался на управлении имением. Со стороны усадебного населения, при отсутствии жесткого контроля со стороны владельцев, проявлялось и иждивенчество, и инфантилизм крестьян, а в 1840-х гг. даже материальные злоупотребления управляющего, который был, однако, пойман и уволен⁵¹.

И тем не менее супруги были счастливы и деятельно включены в жизнь усадьбы. Графиня Мусина-Пушкина, «борисоглебский ангел», как называли ее и крестьяне, и друзья, посвящала себя хозяйственным заботам и хлопотам (многие крестьяне решали свои вопросы через нее), занималась садом, помогала мужу организовывать лечение крестьян и работников имения⁵². В. А. Мусин-Пушкин лично проверял конторский журнал, рассматривал жалобы и просьбы крестьян, и непохоже, чтобы он подходил к делу формально — каждой просьбе было уделено внимание хозяина⁵³. Судя по сохранившимся текущим журналам усадебных контор, другие Мусины-Пушкины так скрупулезно в жизни своих крепостных не участвовали⁵⁴.

Ухаживая за больными во время одной из вспышек тифа в 1847 г., Эмилия Карловна заразилась и в течение нескольких дней умерла. В 1853 г. стал терять

здоровье Владимир Алексеевич, его мучили головные боли; он умер в 1854 г. и был похоронен в Борисоглебе возле своей жены⁵⁵.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ Л. Н. Толстого, каждое аристократическое семейство в Российской империи, даже в периоды потрясений, счастливо и несчастно посвоему. С одной стороны, факторами сохранения как семейных традиций, так и земельных владений у представителей рода Мусиных-Пушкиных были нормы семейных взаимоотношений, основанием которых стали заложенные еще А. И. Мусиным-Пушкиным традиции взаимного уважения, признания одновременной значимости духовно-культурных и статусно-материальных ценностей. С точки зрения теории модернизации преемственность поколений и сохранение родовых имений говорят об укорененности традиционных ценностей. Мусины-Пушкины демонстрировали приверженность антимодерной системе, которая не предусматривала hiatus⁵⁶ между поколениями и разрыв с прошлым. Но, с другой стороны, путь графа Владимира Алексеевича показывает, что на стыке эпох и поколений (генерации екатерининских вельмож, таких как граф Алексей Иванович, и молодых дворян александровского царствования, таких как его сын, Владимир Алексеевич) существовал контраст (возможно, конфликт) статусных ролей и ценностных ориентаций, представления дворянской молодежи о личном и общественном благе не вполне совпадали со взглядами родителей и не повторяли их.

В. А. Мусин-Пушкин наперекор семье выходил за рамки традиции как в семейной, так и в общественной жизни, его свободные и рискованные практики познания окружающего мира контрастировали с предопределенным, казалось бы, ролевым поведением. Заданные при рождении и воспитании в рамках достаточно консервативных семейных отношений паттерны жизненных представлений и карьерных стратегий сталкивались с вольнодумством молодого поколения, которое было занято пытливым самостоятельным поиском ответов на вопросы о лучшей судьбе как для своего Отечества, так и для себя.

¹ Эдельман О. В. Следствие по делу декабристов / Под. ред. С. В. Мироненко. М., 2010. С. 184–185.

² Государственный архив Ярославской области (далее — ГАЯО). Ф. 213. Оп. 1. Д. 4175. Л. 85 об.; Аксенов А. И. С любовью к Отечеству и просвещению: А. И. Мусин-Пушкин. Рыбинск, 1994. С. 17.

³ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1270. Оп. 1. Д. 898. Л. 5; Д. 912. Л. 6 об.

⁴ Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб., 2014. Т. 1. С. 348, 349.

⁵ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 554. Л. 1–5.

⁶ Там же. Д. 997. Л. 6–9.

⁷ Там же. Д. 1072. Л. 1.

- ⁸ Там же. Д. 1339. Л. 1 – 2 об.
- ⁹ Там же. Д. 756. Л. 2 – 2 об., 5 об.; Д. 10477. Л. 1; Д. 1003. Л. 1–2; Д. 955. Л. 1 – 1 об., 4; Д. 1509. Л. 1, 2; Д. 2639. Л. 1–19; Д. 2662. Л. 2а; Д. 2844. Л. 1 об.; Д. 2993. Л. 1; Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 577. Оп. 48. Д. 965. Л. 142 об.; Д. 969. Л. 120; Центральный государственный архив города Москвы (далее – ЦГА Москвы). Ф. 127. Оп. 1. Д. 236. Л. 300 – 300 об., 312 об.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 40. Л. 5 – 5 об.
- ¹¹ Аксенов А. И. Приложение: Письма А. И. Мусина-Пушкина к разным лицам за 1769–1816 гг. // Аксенов А. И. С любовью к Отечеству и просвещению. С. 160–161, 164–170, 173–180.
- ¹² РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 644. Л. 59; Аксенов А. И. Приложение: Письма А. И. Мусина-Пушкина к разным лицам за 1769–1816 гг. С. 176, 181; Волконский Д. М. Дневник 1812–1814 гг. // 1812 год... Военные дневники / Сост., вступ. ст. А. Г. Тартаковского. М., 1990. С. 132, 141, 152–154; Ferrand J. Histoire et généalogie des nobles et comtes Moussine-Pouchkine; Préf. A. A. Moussine-Pouchkine. Paris, 1994. P. 105–113.
- ¹³ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 570. Л. 16; Д. 686. Л. 20; Д. 36. Л. 1; Д. 41. Л. 12; Ferrand J. Histoire et généalogie des nobles et comtes Moussine-Pouchkine. P. 105–109, 244–245; Соснина-Пуццлло Е. В. Иловна и ее обитатели // Угличе поле. 2015. № 26. С. 151–152; Аксенов А. И. С любовью к Отечеству и просвещению. С. 49.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 40. Л. 10 об. – 11 об.; Ferrand J. Histoire et généalogie des nobles et comtes Moussine-Pouchkine. P. 111–113.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1441. 43 л.
- ¹⁶ Перевод с французского языка — Ю. В. Ким. Подробнее о документе см. также: Ким Ю. В. Повседневность молодого дворянина в городах России и Европы первой четверти XIX в.: по дневникам Александра и Владимира Мусиных-Пушкиных // Вестник РГГУ. 2018. № 6 (39). Ч. 2. С. 215–234.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1441. Л. 27.
- ¹⁸ Не удалось установить лицо.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 40. Л. 34.
- ²⁰ Там же. Л. 33–34.
- ²¹ Там же. Л. 35.
- ²² Там же. Л. 35, 36, 38.
- ²³ Там же. Л. 4, 9, 12, 17, 19, 29–36, 38, 41, 43.
- ²⁴ Там же. Л. 1, 3–4, 10, 19–20.
- ²⁵ Не удалось установить лицо.
- ²⁶ Граф Камилло Марколини-Ферретти (1739–1814), кабинет-министр короля Фридриха Августа I Саксонского, директор Мейсенской фарфоровой мануфактуры, покровитель искусств.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–2, 4, 13.
- ²⁸ Фридрих Август I (1750–1827), король саксонский в 1806–1827 гг.
- ²⁹ Антон (1755–1836), брат и наследник Фридриха-Августа I, король саксонский в 1827–1836 гг.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 40. Л. 15–16.
- ³¹ Там же. Л. 2, 19.
- ³² Там же. Л. 2.
- ³³ Возможно, в девичестве Туссен. Предположительно, мужем Мари мог быть младший брат дипломата, писателя и переводчика Эрнста Отто фон дер Мальсбурга (1786–1824) Карл Отто фон дер Мальсбург (1790–1855), который жил в это же время в Дрездене и был женат с 1822 по 1824 г. на некоей Мари Туссен. В 1812 г. он служил в наполеоновской армии, был ранен под Бородино и затем находился в войсках, отступающих от Москвы.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–26, 37, 41.
- ³⁵ Там же. Л. 7, 9, 15.

- ³⁶ Резиденция саксонских монархов.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 40. Л. 4–5.
- ³⁸ Джордж Каннинг (1770–1727), министр иностранных дел Великобритании в 1807–1809 гг., представитель либерального крыла партии тори.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–15, 17–22, 24, 27, 29–36, 38, 41–43.
- ⁴⁰ Восстание декабристов: Документы: в 25 т. / Под ред. М. Н. Покровского, М. В. Нечкиной, С. В. Мироненко. Т. XVIII: Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии / [текст подгот. К. Г. Ляшенко, С. А. Селиванова; предисл. М. В. Нечкиной]. М., 1984. С. 105–112.
- ⁴¹ Эдельман О. В. Следствие по делу декабристов. С. 184–185.
- ⁴² Восстание декабристов. Т. VIII: Дела Следственной комиссии о злоумышленных обществах: Алфавит декабристов / Ред. и примеч. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Л., 1925. С. 134–135, 360; Декабристы: Биографический справочник / Изд. подгот. С. В. Мироненко; под ред. М. В. Нечкиной. М., 1988. С. 122; *Соснина-Пуццлло Е. В.* Иловна и ее обитатели. С. 152.
- ⁴³ Ким Ю. В. «Мама, не проявляя к тебе особой ласки, пишет тебе очень дружелюбно»: предсвадебные письма графа В. А. Мусина-Пушкина своей невесте // Вестник РГГУ: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 10. С. 61.
- ⁴⁴ *Соснина-Пуццлло Е. В.* Иловна и ее обитатели. С. 154.
- ⁴⁵ Ким Ю. В. «Мама, не проявляя к тебе особой ласки, пишет тебе очень дружелюбно». С. 72–73.
- ⁴⁶ Восстание декабристов. Т. VIII. С. 360.
- ⁴⁷ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 997. Л. 2–5, 13; Д. 2844. Л. 1–4; Д. 3290. Л. 3; Д. 3291. Л. 2–5; Д. 3292. Л. 2–6; Д. 3293. Л. 3 об., 33, 42; Д. 3508. Л. 1–47; Д. 3509. Л. 2–8, 25; РГИА. Ф. 577. Оп. 48. Д. 969. Л. 120 – 120 об., 131, 136, 139; ЦГА Москвы. Ф. 127. Оп. 1. Д. 331. Л. 105 – 105 об.; Д. 579. Л. 153 – 154 об.
- ⁴⁸ ГАЯО. Ф. 714. Оп. 2. Д. 46. Л. 5–8.
- ⁴⁹ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 2246. Л. 1 – 3 об.; Д. 2492. Л. 2 – 2 об.
- ⁵⁰ Там же. Д. 2455. Л. 1–49.
- ⁵¹ Ким Ю. В. «Я буду употреблять всевозможное старание устранить все, но в противном случае я невиноват»: управляющие в имениях Мусиных-Пушкиных // Вестник РГГУ. 2018. № 6 (39). С. 74–75.
- ⁵² РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 2246. Л. 5; Д. 4778. Л. 33.
- ⁵³ Там же. Д. 2227. Л. 3, 9.
- ⁵⁴ Ким Ю. В. «Я буду употреблять всевозможное старание устранить все, но в противном случае я невиноват». С. 63–83.
- ⁵⁵ Ким Ю. В. «Мама, не проявляя к тебе особой ласки, пишет тебе очень дружелюбно». С. 73.
- ⁵⁶ Разлом, провал, зияние, разрыв; подробнее о понятии см.: *Ассман А.* Распалась связь времен: Взлет и падение темпорального режима модерна / Пер. с нем. Б. Хлебникова; пер. англ. цитат Д. Тимофеева. М., 2017. С. 108.

References

- Aksenov, A. I. *Slyubov'yu k Otechestvu i prosveshcheniyu. A. I. Musin-Pushkin* [With love for the Fatherland and Education. A. I. Musin-Pushkin. In Russ.]. Rybinsk, Rybinskoe podvor'e publ., 1994. 206 p.
- Assman, A. *Raspalas' svyaz' vremen. Vzlyot i padenie temporal'nogo rezhima moderna* [The Link of Times Has Broken. The Rise and Fall of the Temporal Regime of Modernity. In Russ.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2017. 267 p.
- Edelman, O. V. *Sledstvie po delu dekabristov* [Investigation into the Decembrists' Case. In Russ.]. Moscow, Modest Kolerov publ., 2010. 354 p.

Ferrand, J. *Histoire et généalogie des nobles et comtes Moussine-Pouchkine*. Préf. A. A. Moussine-Pouchkine. Paris, J. Ferrand, 1994. 521 p.

Kim, Yu. V. "Mama, ne poryavlyaya k tebe osoboi laski, pishet tebe ochen' druzhnyubno": predsvadebnye pis'ma grafa V. A. Musina-Pushkina svoei neveste ["Mother, Showing no Special Affection for you, Writes to you very Friendly": the Pre-Wedding Letters of Count V. A. Musin-Pushkin to his Bride. In Russ.]. In *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. 2020. No. 10, pp. 59–75.

Kim, Yu. V. Povsednevnost' mladogo dvoryanina v gorodakh Rossii i Evropy pervoi chetverti XIX v.: po dnevnikam Aleksandra i Vladimira Musinykh-Pushkinykh [Daily Life of a Young Nobleman in the Cities of Russia and Europe in the First Quarter of the 19th Century (According to the Diaries of Alexander and Vladimir Musin-Pushkins). In Russ.]. In *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*. 2018. No. 6 (39), part. 2, pp. 215–234.

Kim, Yu. V. "Ya budu upotrebyat' vsevozmozhnoe staranie ustranit' vsoy, no v protivnom sluchae ya nevinovat": upravlyayushchie v imeniyakh Musinykh-Pushkinykh ["I Will Use all Possible Efforts to Eliminate Everything, but Otherwise I am Innocent": Managers of the Musin-Pushkin Estates. In Russ.]. In *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*. 2018. No. 6 (39), pp. 63–83.

Mironov, B. N. *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu v 3 t.* [Russian Empire: From Tradition to Modernity. 3 Vols. In Russ.]. Vol. 1. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin publ., 2014. 892 p.

Sosnina-Putsillo, E. V. Ilovna i eyo obitateli [Ilovna and its Inhabitants. In Russ.]. In *Ugliche pole*. 2015. No. 26, pp. 144–161.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ю. В. Ким. Землевладелец, аристократ, декабрист, мечтатель: В. А. Мусин-Пушкин в контексте предписанных статусов и новых ролей // Петербургский исторический журнал. 2025. № 4. С. 42–55. DOI: 10.51255/2311–603X_2025_4_42

Аннотация: Граф В. А. Мусин-Пушкин (1798–1854), представитель «молодого поколения» декабристов, в силу возраста не принимал участия в войне с Наполеоном и заграничных походах русской армии. Его среда — аристократическая консервативная семья (отец — екатерининский вельможа, археограф граф А. И. Мусин-Пушкин). Материальное благополучие, окружавшее графа с детства, предопределяло круг занятий и сфер деятельности молодого человека из состоятельной семьи. И тем не менее В. А. Мусин-Пушкин наперекор семье выходил за рамки традиционных практик семейной и общественной жизни дворянской аристократии, демонстрировал свободолюбивый характер, реализовывал собственный независимый выбор судьбы. В статье на базе неопубликованных источников российских архивов (Российского государственного архива древних актов, Российского государственного исторического архива, Государственного архива Ярославской области, Центрального государственного архива города Москвы) раскрываются особенности материального состояния В. А. Мусина-Пушкина, атмосфера семьи, картина повседневных занятий, интересов и склонностей. Прослеживается судьба молодого человека после освобождения из-под ареста по делу декабристов. В непростых условиях надзора В. А. Мусин-Пушкин встретил свою будущую жену и добился собственного счастья вопреки препятствиям и обстоятельствам. После заключения брака граф и графиня жили в Борисоглебском имении Мологского уезда Ярославской губернии. Статья освещает деятельность супругов Мусиных-Пушкиных по управлению имением, отмечает маркеры экономического состояния и усадьбного быта.

Ключевые слова: декабристы, Северное общество, Мусины-Пушкины, дворянская аристократия, XIX в., повседневность, молодые русские офицеры, российские землевладельцы.

FOR CITATION

Yu. V. Kim. Landowner, Aristocrat, Decembrist, Dreamer: V. A. Musin-Pushkin in the Context of Prescribed Statuses and New Roles // Petersburg Historical Journal, no. 4, 2025, pp. 42–55. DOI: 10.51255/2311–603X_2025_4_42

Abstract: Count V. A. Musin-Pushkin (1798–1854), a representative of the “young” generation of Decembrists, did not participate in the war with Napoleon or the foreign campaigns of the Russian army due to his age. The subject’s environment was that of an aristocratic family (his father being Catherine’s nobleman, archaeographer Count A. I. Musin-Pushkin). The material well-being that surrounded the count from childhood predetermined the range of occupations and spheres of activity of the young man from a wealthy family. Notwithstanding, V. A. Musin-Pushkin defiantly diverged from the conventional mores of the noble aristocracy, manifesting an unabashedly libertarian disposition and forging an autonomous trajectory for himself. The article, which is based on unpublished sources from Russian archives (namely, the Russian State Archive of Ancient Acts, the Russian State Historical Archive, the State Archive of the Yaroslavl Region, and the Central State Archive of the City of Moscow), reveals the material conditions of V. A. Musin-Pushkin, his family atmosphere, and a picture of his daily activities, interests, and inclinations. The article also traces the fate of the young man after his release from arrest in the Decembrist case. In the challenging environment of supervision, V. A. Musin-Pushkin encountered his future wife and attained personal contentment despite the presence of impediments and adversity. Following the matrimony, the count and countess took up residence in the estate known as “Borisogleb” in the Mologsky district of the Yaroslavl province. The article discusses the activities of the Musin-Pushkin spouses in the management of the estate, as well as markers of the economic status and estate life.

Key words: Decembrists, Northern Society, Musin-Pushkins, noble aristocracy, 19th century, everyday life, young Russian officers, Russian landowners.

Автор: **Ким, Юлия Владимировна** — к. и. н., Негосударственная общеобразовательная организация частное учреждение «Школа “Муми-Тролль”» (Москва, Россия).

Author: **Kim, Yulia Vladimirovna** — PhD in History, Non-governmental educational organization private institution “Moomin-Troll School” (Moscow, Russia).

E-mail: yvk22@yandex.ru

ORCID: 0009-0005-6300-920X